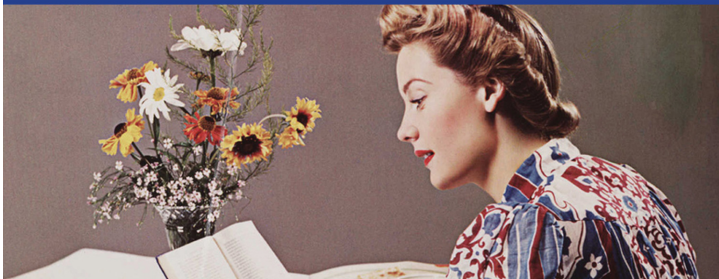

Галина Щербакова

Яшкины дети.
Чеховские герои в XXI веке

ФТМ

Галина Николаевна Щербакова Яшкины дети. Чеховские герои в XXI веке (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184187

Вам и не снилось...: Агентство ФТМ, Лтд.; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-1915-0

Аннотация

«Яшкины дети» – это прямой и откровенный диалог с Чеховым. Его, Антона Павловича, автор словно призывает в свидетели нашей современности – еще более хаотичной, больной и жестокой, чем во времена классика. Используя названия знаменитых чеховских рассказов, Щербакова каждый из них наполняет новым содержанием и смыслом. Ее «Ванька», «Дама с собачкой», «Душечка», «Смерть чиновника», «Спать хочется» и другие миниатюры – это истории о жизни простых людей, наших потенциальных соседей и коллег, увиденной без иллюзий и прикрас, без мнимого добра и ложного сострадания. Все названо своими именами.

Содержание

Яшкины дети	5
Ванька	7
Дама с собачкой	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Галина Щербакова

Яшкины дети

Чеховские герои в XXI веке

© Текст. Г. Н. Щербакова, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Яшкины дети

Дался мне этот Яшка! Но... я давно вчитываюсь и всматриваюсь в этого мальчика из «Вишневого сада», загубившего старика Фирса. Вот он почти весь, каким представлял его нам Чехов.

Аня. У мамы лакей Яша. Мы привезли его сюда.

Варя. Видела подлеца.

Варя. Твоя мать приехала из деревни, со вчерашнего дня стоит в людской, хочет повидаться.

Яшка. Бог с ней совсем!

Дуняша. ...Если вы, Яша, обманете меня, то я не знаю, что будет с моими нервами.

Яша (*целует ее*). Огурчик. Конечно, каждая девушка должна себя помнить, и я больше всего не люблю, ежели девушка дурного поведения... По-моему, так: ежели девушка кого любит, то она, значит, безнравственная.

Яша (*Фирсу*). Надоел ты, дед... (*Зевает.*) Хоть бы ты скорее подох... Любовь Андреевна! Позвольте обратиться к вам с просьбой... Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно... Страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно. А тут еще Фирс этот ходит, бормочет разные слова...

Аня. Фирса отправили в больницу?

Яша. Я утром говорил, отправили, надо думать.

Варя. Где Яша? Скажите, мать его пришла, хочет проститься с ним.

Яша (*машет рукой*). Выводят только из терпения... Через шесть дней я опять в Париже... Только нас и видели... Вив ля Франс. Здесь не по мне... не могу жить, ничего не поделаешь. Насмотрелся на невежество – будет с меня.

Яшка – лакей. Это самый короткий путь крестьянина в люди. Его лакейство – угодливость, но не исполнительность, преданность, но с душком предательства, форсистость до омерзения.

А теперь взглянем на нашу жизнь. Разве лакейская дорожка – не осталась столь же соблазнительным путем к счастью? Не короче ли оказывается она любых других путей для достижения успеха, власти, богатства? Как вечно живы краеугольные Яшкины свойства: какая-то почти природная ненависть к своей матери и родине, демонстративно-холуйская, своекорыстная преданность барину, и одновременно барская заносчивость перед челядью...

Господи, как же противно! Не в эту ли «тему» чеховские слова о выдавливании из себя по капле раба, ни на йоту не потерявшие пронзительного смысла?

Когда же, придет время – уже не холуи, Яшкины дети, будут делать погоду в нашем доме?

Ванька

«Здравствуй, дед-пердед. Не сдох еще? Попробуй только! Твой обрез у меня, и я сам из него тебя грохну за всех сразу, кого ты, сволочь, извел. А вот меня тебе не достать. Я живу в городе, и живу назло тебе классно. У меня и деньги, и хата с теплым сортиром, и на мне такой кожан, что ты бы удавился, если увидел. Живи и помни, я в любой момент перед тобой вырасту, старый козел, и ты зальешься собственной кровью. А я за ноги оттащу тебя в сортирную яму, чтоб там ты и сгнил. Не место тебе на кладбище, пердед, твое место в говне».

На этом у него кончились мысли, и он тупо смотрел на грязный потолок земляной ямы, где они, мальчишки, живут уже, считай, полгода. Их пустили сюда парни, что рыщут под городом то ли в поисках клада, то ли какой другой у них интерес. Каждый раз перед сном он скукоживался в клубок, как это умела делать их Розка, рыжая такая одноглазая псина. Дед выбил ей глаз, но она пережила беду и научилась сворачиваться не в одно кольцо, а почти в три. Пряча в клубке дырку в голове.

Вот и он, как Розка, слава богу, с глазами, хотя останься он с дедом, что было бы – неизвестно. Угрозы были всякие. И «яйца тебе оторву», и «глаза выколю», и «сук в жопу загоню», и многое всякое. От этого он бежал, потому что многое

в жизни, дедом сказанное, уже было сделано.

А письма сочинять научила его мама. Совсем, совсем больная, у нее был рак, она читала ему книжки. И как-то раз про этого Ваньку Жукова, который, наоборот, просил своего деда забрать его домой. Как же он плакал от зависти, что у некоторых детей бывает такое счастье – дедушка Константин Макарыч!

Мама и умерла на этом рассказе. Дочитала до слов: «Пропадающая моя жизнь, хуже собаки всякой» – и замолчала. А дед пришел и стал орать: «Все теперь стали больные, до сортира дойти не могут... Вставай, дура, жрать будем». А она ни словечка. Рука белая в книжке, а лицо такое спокойное, спокойное. А Розка вошла и завyla так тоненько, тоненько.

После калечества, полуслепая и полуглухая, она откуда-то заранее, издали чуяла смерть. Она за пять минут подходила к смертной избе и выла тонким голосом. Люди ее боялись, но одновременно и любили за жалобность, которой в душе полным-полно, а выражений ее нету. А вот у собаки есть – вой. Глядя на Розку, люди подпевали собаке.

– Ну, и слава богу, – сказал дед, когда уже пришли похоронные люди, и тут же заорал: – Ей-то, конечно, хорошо, а мне этого ошметка корми. До армии еще пять лет.

И он бы его ударил налыгачом, но соседка, остановив подпевание Розки, перехватила руку.

– Ты уже совсем ку-ку, Кузьмич?

Когда маму похоронили, он взял обрез деда. Тот его не

прятал. Взял и ушел куда глаза глядят. Обрез лежал в длинной узкой сумке. Мама держала в ней лук. Он высыпал его на пол, мечтая, как вечером дед, войдя в дом, подскочит на верткой луковице и с разбитой башкой так и останется лежать, как лежала бабушка, когда он ударил ее чайником. Бабушка истекла кровью и умерла, но деду ничего не было ни за бабушку, ни за Розку, ни за подстреленного соседа, который остался хромым на всю жизнь, ни за младенца-сестренку, которую он вынес в сени на мороз, потому что плачем мешала ему спать. Мама была в вечерней смене, вернулась. А девочки уже нет.

Деду все сходило. И он знал, почему. Уже перед смертью мама сказала ему: «Ты не суди деда. Он несчастный. Он смолodu был поставлен на казнь людей. С тем и остался».

И мама рассказала, как в конце войны и после нее через их станцию проходили составы с людьми, сосланными в Сибирь и на Север. Она называла их странным словом «прибалты». Больше он никогда этого слова не слышал.

– Мне было лет пять-шесть, – говорила мама, – мы бегали смотреть на людей за решеткой окон. Дед же гордился работой, считал правильной. «Я бы их всех расстрелял сразу. Чего с врагами народа чикаться?» Он такой от жизни, от дела...

И еще сказала: «Ты с ним осторожней, ему смерть – не смерть. Он знает то, что страшнее ее». Отца дед выгнал из дома, когда тот кинулся в суд за смерть сестренки. Он его, пешего, гнал на лошади, пока отец не рухнул на дороге. Мама

сказала: «Ну, и слава богу. Одним живым на свете больше». Потом стали приходить деньги, и обратный адрес был всегда разный и странный. Например: «Северный полюс, остров № 5». Или: «Москва. Елисеевский гастроном. Отдел печени трески».

Глядя на перевод, дед говорил матери:

– Хочешь, найду выблядка на раз-два? Мне это как два пальца обоссать.

– Не нужен он мне, – кричала мама.

Но он знал, что она врет. Он слышал, как она ночью плачет. Деньги – что деньги? Они не человек. Тем более что дед все равно их забирал до копейки, и уж тогда после его пьянки в деревне святых надо было выносить.

Он смотрел на мокрый потолок. Над ним уже несколько минут набухала большая серая капля. Он разодрал полиэтиленовый пакет, чтобы успеть накрыть им голову. У него уже давно такая игра с каплями – кто кого. Счет был равный. Человеческий ум не был быстрее водяного.

И снова он думал о письме деду. Как-то мама после рассказа про Ваньку Жукова сказала: «Так вот, сынок, жили дети до революции». – «Как так?» – не понял он. «В людях. В смысле у чужих. И там с ними делали что хотели». – «Как дедушка?» – спросил он. «Ну что ты такое говоришь? Ты же со мной. У тебя есть школа. Там тебя любят. Не надо Бога гневить. Дедушка пошумит, пошумит и отойдет. Помнишь, он тебе клоуна купил на палочке?»

Он помнил этого клоуна. Когда его дергали вниз за веревочку, у клоуна вываливался язык, такой весь красный и злой, и пучились глаза. Он не знал, что у клоуна была еще одна веревочка, под армячком, ему показали ее старшие ребята в школе. Когда дергали ее, откуда-то снизу выскакивала огромная писька и брызгалась водой. Ребята брызнули ею прямо в глаза и забрали игрушку себе. Какое тогда было противное чувство даже не обиды, не злости, а какое-то невыразимое жжение внутри, будто там, в глубине его, под самыми ребрами, разжегся костер и лижет его, лижет.

Потом он сросся с этим чувством. Бывало, что это длилось днями, и мама спрашивала:

– Не заболел ли ты, сынок? Ты какой-то весь у меня бледный. Ну, иди ко мне, сынка, я тебе лоб пощупаю.

Именно после этих слов все проходило. Получалось, что мама каким-то образом тушила внутренний огонь просто своим беспокойством.

Вот и сейчас его жжет ненаписанное письмо, над головой, вся набухшая до «вот-вот», висит новая капля, но сказать ему «сынок», «сынка» некому. «Наверно, скоро революция», – думает он. Мама говорила: «Революция, сына, случается от очень плохой жизни. Если нет хлеба, нет крыши, если дети мрут...» Он уже тогда подумал, что в их семье частично есть это все. Со жратвой не очень. Крыша протекает, сестра померла. Сейчас в подzemелье было еще хуже.

«Дед-пердед! – мысленно писал он. – Уже пришла рево-

люция, а значит, я скоро приеду. И дам тебе сначала по яйцам, потом по глазам, а потом в твое говенное сердце».

Капля упала прямо на лицо. Он, как часто бывает, не уследил ее, заразу. Капля была ловчее. Хотелось плакать, достать обрез и стрелять во все стороны, но он же не дед! Хотя именно его он убьет обязательно за всех про всех. Почему-то ему виделся длинный поезд с людьми за решетками. Дед сидел на вагонной крыше и пил из горла. Веселый такой, молодой...

Ему это не привиделось. У деда была такая фотка, дед хвалился ею и хранил на груди.

От холода в голове путалось и думалось черт-те о чем. Например, о времени. Оно делилось, как его учили, на «до революции» и после, на «до войны» и после нее. Еще оно делилось на времена года. Осенью умерла бабушка, зимой сестра, весной ушел отец, Розку ранили летом. Мать тоже умерла летом, но другим, не Розкиным. Он ушел от деда осенью, сейчас весна и капли стали такими тяжелыми, как пули. Весной у него день рождения.

Дед-пердед! Ты должен знать, когда я родился. Я забыл. Ты мне это скажешь перед тем, как я тебя грохну.

Но пока его самого грохнула сволочь-капля. Набрякла силой и ударила прямо в лоб. Как пуля.

И ему показалось, что он умер.

Дама с собачкой

Она проснулась, когда хлопнула дверь. А потом заурчала отъезжающая машина. Ну почему? Почему ей показалось, что в этот раз так не будет? Что они проснутся вместе, и вместе будут пить чай, и она поцелует его на пороге, и перекрестит ему спину, и вернется в квартиру без этого резкого запаха убегающего мужчины. Ведь когда-нибудь кто-то должен был остаться и ждать ее просыпания, но не случилось... Сколько раз она слушает этот стук двери, иногда видит в окно пробег к остановке с одновременным натягиванием пиджака на плечи. Она не шлюха, не давалка безразборная, у нее все по любви, с цветами там, конфетами, с походами в театр и на выставку одежды самураев. И она себе придумала: тот, кто проспит дольше, чем она, останется навсегда. Боже! Как хотелось этого проклятушего *навсегда!*

И она – это уже в традиции – идет к зеркалу и смотрит на всклокоченные волосы, совсем не уродские, совсем, у нее хорошие волосы, и густые, и мягкие, лежат и после сна шапочкой. И глаза у нее карие до черноты, и брови дугой без карандаша – свои. Ну, нос не фонтан – это правда, он самую чуточку длинноват, но не клювом, а с мягкой округлой пипочкой над пышным, можно сказать, сексуальным ртом, мужчины его любят. И дальше все как у людей, ямочка на подбородке, шея длинная, плечи покатые, грудь – вообще

загляденье, налитая, округлая, ни грамма обвисания.

Ладно, хватит. Нахвалилась собой. А в душе такая щемота, впору шагнуть из окошка. Ей так хочется постоянно спящего под боком мужчины, что бы там ни говорили подруги о своих мужьях, этих «козлах пердячих»! Козлы-козлы, а как держатся за них. Попробуй только глазом тронуть, так вскинутся, что мало не покажется. Нет, с мужьями подруг у нее никогда ничего не было. У нее были сторонние. То смычка по работе. У них трест огромный, руководит всей синтетикой края, этакий химхромхрут – так они его называли. Командированных до фига, да и сам коллектив мужским родом не обезличен. Она в нем уже больше пятнадцати лет после окончания института. На ее памяти здесь сыграли двадцать семь свадеб. Надоело ходить. На последнюю так и не пошла, что-то там сбрехала. А своей так и не было. Даже рядом не стояла. Типа было, но расстались – и такого не было. И она с тоской, как вот сейчас после очередного стука двери, вспоминала школьного мальчика, с которым они мечтали пожениться в девятом классе, аж горели оба!

Понятное дело, хотелось секса так, что временами тошнило. Но какое ж тогда было время! В голову не могло прийти, чтоб где-то там, как-то... Целовались, правда, до опупения. А потом он, золотой медалист, уехал в Москву. И все. Как не было. В сущности, он первый хлопнул дверью в ее жизни. Хотя еще предлагал жениться сразу после выпускного. Даже настаивал. «Мне, – говорил, – готовиться к экзаменам не на-

до, заброшу медаль (он на нее шел с пятого класса), и будем гулять все лето».

– Но мне-то надо поступать, – отвечала она.

– Зачем? Я скоро стану академиком. А ты будешь академическая жена.

Но это было все так не по правилам, что даже в шутку нельзя было сказать родителям и принять всерьез.

Между прочим, мальчик действительно стал академиком. И жена его не работает. Каждый год приезжают на родину. Пару раз они пересеклись. У нее все внутри сжалось, а он отпрыгнул, пробормотав что-то необязательное типа: «Ну, еще свидимся».

Кто-нибудь видел то место, куда уходит любовь? И, может, это и не место вовсе, может, любовь растворяется на молекулы и атомы в теле, а самая болючая страсть превращается в ороговевший ноготь? А может, все рассыпается в прах, и где те поцелуи, от которых болят губы, и где следы вольных обезумевших рук? Как с белых яблонь дым.

И получается в ее жизни, что каждый случай повторяет предыдущий.

Она ходит по квартире от окна до двери, она ищет ответ. Первый ответ приходит, и он – дурак дураком. Она, мол, больше на порог мужика не пустит, пока не сходят в загс. Где ты найдешь такого, если тебе уже вокруг сорока? Не успеешь оглянуться – и полсотни.

Мятые, вяленые, сырые, копченые мужики хитро приби-

ваются к ее телу от утомительно однообразного брака, договаривающего в предсонье последние наставления о том, что купить завтра в магазине. Есть другие, любопытные, идущие на зов попить чаю. И они терпеливо его пьют, соря печеньем, а потом идут в туалет и уже на обратном пути в коридоре нетерпеливо хватают за низ живота. А ты, оказывается, этого и ждешь.

Всякие есть. Давно знакомые и только что с трамвайной подножки. Пожилые, уже не очень уверенные в себе и мальчишки-курьеры, горячие и неумелые. Не то чтобы у нее их было несчитово, но раз в месяц, как правило. Она не беременела, потому что у нее была недоразвитая матка. Это было ее везение. Детей она не хотела по простой причине – не видела счастливых матерей. Дети были горе, дети были крест, дети были наказанием женщине, рвущей ради них брюхо.

Одним словом, она не подозревала, что на ее работе все считали: Лина Павловна – баба неплохая, но давалка без ума и понятия, и замуж ей уже не выйти.

Как это бывает в жизни? Она сама думала другое. Она умная и красивая, и специалист будь здоров, и замуж она выйдет в конце концов. Ну, просто еще не шел он ей навстречу. Ей ведь не всякий нужен, но невсяких стало ой как мало! Об этом даже в газетах пишут – ухудшается порода, подгнивает мужской корень.

Вечером пришла соседка, вдова. Что-то в ней всегда раздражало Лину Павловну. Во-первых, вдовство, которое та

несла как знамя, с гордо поднятой головой. А ведь вдовья голова должна никнуть, виснуть до косточки, а не торчать подбородком вверх. Во-вторых, какое-то невообразимое восхищение прожитой с мужем жизнью, будто Лина глухая тетьра и не слышала, как звенела у соседей битая посуда, а в ее стену ударялось что-то небьющееся, и Лина Павловна подозревала, что это голова соседки, у них там в этом месте как раз стояла кровать.

Сравнение с соседями рождало в Лине Павловне гордость какого-то особенного качества, ну, типа того, что с глупо растопыренными крыльями – знак качества от государства. Раньше им чванились. Вот и гордость у Лины Павловны была родной сестрой того чванства. А в последнее время вообще наступило полное безобразие. Ко вдовой соседке стал ходить кавалер. И они вместе выгуливали – еще одно раздражение Лины Павловны – собаку-таксу по имени Джемма.

Так вот. Пришла соседка и, сложив руки на груди типа «я умоляю», сказала:

– Лина Павловна! На коленях умоляю! Возьмите на три дня Джемму. Она смиренная и умная. Только утром и вечером гулять и дать корм. Никаких проблем. Она вас знает и любит.

Вот если бы соседка на этом остановилась, она получила бы полный и окончательный отказ. Но та еще пуще скрестила руки и сказала самое оглушительное:

– Мы с моим другом Николаем Петровичем должны съез-

дить к его родителям. Нехорошо ведь жениться без родительского благословения.

– Вы выходите замуж? – скрипнула Лина Павловна, нервно соображая, сколько же месяцев прошло со дня смерти первого мужа – шесть или восемь.

– Вы знаете, нас познакомила Джемма. Мы гуляли с ней, а она возьми и увяжись за ним. (О том, что в сумке мужчины была свежая печень, сказано не было.) Так мы познакомились. Замечательный человек. Стоматолог. Он один, и я одна. Нам так хорошо вместе. Игорь, умирая, мне сказал: «Встретишь достойного человека, даже не думай». А я вот думаю. Хочу посмотреть на родителей. Я вас умоляю. Примите Джемму. Дайте ответ сразу, чтобы у меня было время – поискать еще кого... Но лучше вы...

– Я согласна, – ответила Лина Павловна.

Сама удивилась скорости ответа. Но внутри ее происходило что-то странное, произошло как бы перемещение органов: сердце сбежало со своего места и трепыхалось где-то под ложечкой, а мозг осел и стал давить на глаза, выдавливая из них слезы. Одновременно в голове бились, как мушкетеры, две мысли. Одна: вот теперь тебе и осталось выгуливать чужих собак. А другая была особенная, она же – д'Артаньян: если уж за собакой недотепы-вдовицы пошел мужчина навсегда, то она-то с собачкой будет выглядеть совсем иначе. Она будет идти с ней, как лыбедь. Именно лыбедь, сказалось внутри, лебедь – так каждый может подумать.

В общем, договорились.

– Я принесу вам корм, – сказала соседка, – чтоб у вас не было проблем. Завтра вечером мы уезжаем, но мы успеем погулять с собачкой все вместе, чтоб она попривыкла. В субботу вечером мы вернемся уже к ее прогулке. Так что у вас всего четверг-вечер, пятница и суббота-утро. Мы оставим вам телефон – мало ли что? Мы едем в Азов, это близко. Привезем вам рыбки свежайшей и крыжовенное варенье. Там его хорошо варят.

История вдовы так потрясла Лину Павловну, что она как-то забыла, что она не любит ни собак, ни кошек, никакого зверья вообще. Развивалась тема лыбеди, как будет она идти с собачкой по набережной, тонкая такая и звонкая. Почему-то придумалась шляпка на голову, такая миниатюрная с изящной вуалеткой. И обязательно лайковые перчатки. Голой рукой держать поводок как-то не комильфо. Перчатки у нее были, чуть зашитые по шву. Но кто это увидит? А шляпку она купит завтра. Скажет на работе, что у нее дело в филиале, и без проблем.

На ночь она взяла томик Чехова.

Книги у нее от родителей, психованных книголюбов, стоявших во время оно по ночам в очередях на подписку. Она продала всю библиотеку подруге матери, которая превратила свою квартиру в незнамо что. В них же, книгах, пыли!.. Себе она оставила книги для двух полочек над притолокой в комнате. Среди них оказался однотомник Чехова, самого скуч-

ного из скучных, по ее мнению, писателя. В памяти только одно, школьное воспоминание – «Пава, изобрази!» – из «Ионыча».

Учительница это очень смешно читала.

Лина Павловна уже потом пользовалась этой фразой при разных нелепых ситуациях и даже слыла из-за нее интеллектуалкой. «Это „Ионыч“ Чехова», – говорила она после успеха фразы у народа.

«Даму с собачкой» она не читала никогда. Видела скучный фильм. Опять же запомнилось из него, как мать, от которой бегают муж, заставляет детей учить склонение. Склоняли какое-то нелепое слово типа *рукомойник*.

И еще запомнилось из кино: собака была шпиц. Жаль, что соседская – такса, а не шпиц. Что-то брезжило во всем этом. Рассказ она стала читать на ночь, преодолевая скуку. В конце концов поняла только одно: дама со шпицем тоже ловила мужика на набережной. И тоже на собаку. А на что же еще, если больше не на что? Кошки как-то не подходили. Они вообще только мышеловки, не больше.

Она уже хотела бросить чтение, когда сонным глазом наткнулась на фразу: «...сердце у него сжалось; и он понял ясно, что для него на всем свете теперь нет ближе, дороже и важнее человека; она, затерявшаяся в провинциальной толпе, эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарной лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он

теперь желал для себя...»

Как-то сладко, как от любовной ласки, сжалось сердце и, как штамп в паспорте, впечатались в ней слова «маленькая женщина наполняла всю его жизнь». Лорнетка отвалилась сама собой, деталь, мелочь... Главное, она такими словами будет думать. Вот все и случится, когда она выйдет на прогулку с собачкой. Ее старенькая бабушка любила говорить: «Ничего случайного на свете нет. Все – Бог». Джемма не случайность. Джемма – знак.

И Лина Павловна заплакала слезами этого впечатлительного мужчины из рассказа. Он плакал о ней. Она о нем. И сердце делалось мягким и слабым, оно замирало, чтобы всколыхнуться и снова забиться до слез.

...Шляпку она нашла сразу. Просто вышла на нее и поняла: она. Она поправила вуаль, как хотела, категорически отказавшись от совета продавщицы «припустить и собрать». Она не пошла в ней домой, она даже не надела ее вечером, когда совершала общий выход с вдовицей, ее кавалером и Джеммой. Последняя никак на нее не отреагировала, она бежала рядом с хозяйкой, длинная такая, коротконогая, тоже мне Джемма, скорее, Стюра какая-нибудь. А главное, она была не шпиц. И это был большой минус в затее Лины Павловны. Но мосты были сожжены, шляпка куплена, перчатки вынуты из мешка вещевых мелочей. Она попробует и с ними, и без.

На утренний выход она была ни в чем, в затрапезе, как

ходит на работу. Утром набережная пуста. Джемма вела себя пристойно, с поводка не рвалась, кучку сделала под кустиком, встряхнулась и уже охотно пошла домой. Слегка повизжала у своей двери, но согласно пошла и в другую. Одним словом, по первому выходу собака оказалась непроблемной.

К вечерней ходке Лина Павловна готовилась, как Наташа Ростова на бал. На ней был бежевый костюм, юбка с разрезом и пиджак с острыми лацканами и крупными пуговицами. Желтая кофточка была в пандан и кучерявилась вокруг шеи. Туфли она надела на венском каблуке (так называли его раньше, а как сейчас, она даже не знает). Они были удобны. Перчатки смотрелись сами по себе, но не смотрелись вместе с потертым поводком. Пришлось их положить в карман, покрасивше выставив наружу. Шляпка же просто пела и играла. Джемма не стояла такой красоты, и Лина Павловна стала думать, не надеть ли ей старую шляпку с полями и муаровой лентой, но не устояла перед красотой новенькой. Так и пошла, старую даже примерять не стала.

Вечер был хорош, река была смирной. Набережная была четверговой по количеству людей, не субботней и не воскресной. Лина Павловна ловила на себе взгляды мужчин и женщин, поверхностные, без значения. «Не сразу, – говорила она себе строго. – Не сразу». Она остановилась почитать афишу. В театре не была уже сто лет. С кем идти? Не с подругами же. Смешно и бездарно. В кино как-то тоже разучилась ходить. Иногда... Очень иногда шла на утренний се-

анс на что-нибудь эдакое. Последним просмотром был «Мулен руж». Впечатление было слабое. Ну, ярко, ну, красиво, но чтоб внутри всколыхнулось, как на «Интердевочке», то нет... Нет, и все. У нее хороший телевизор, разорилась на тарелку. Все кино теперь дома.

– Любите цирк? – услышала она голос. Видимо, Джемма слегка перетянула ее к цирковой афише.

Рядом стоял он. Никаких сомнений. Немолодой, высокий, с легкой небритостью, как она любит. А главное, в форме морского капитана. Не нонсенс для Ростова. Какой-никакой, а порт.

– Просто пялюсь, – ответила она. – В цирке сто лет не была, и сказать, что хочу, не могу. Совру. – Как складно небрежно все сказалось. И даже подалась на Джеммин порыв идти дальше. Она была уверена – он пойдет следом. И где-то уже возникал жар, и хотелось расстегнуть красивый жакет, а вместе с ним и кучерявую кофточку.

Она даже представила, как проснется раньше, а он сильной рукой не даст ей встать, и они будут лежать молча, а потом он скажет: «Кажется, мне хочется остаться здесь навсегда». Это ведь почти что стать горем, радостью и единственным счастьем.

Большой, высокий, небритый, он совпадал с мечтой, надеждой.

– У меня тоже была такса, – сказал он. – Умерла от тоски, я ведь подолгу отсутствую.

– Ну, это надо быть большим эгоистом, простите, конечно, заводить собаку, если не живешь дома.

– Вот и не завожу больше, – сказал он печально и перекусил собачью тему.

Шли молча. И она любовалась ими со стороны. Красивая дама с собачкой, красивый капитан, сошедший на берег...

– Всю жизнь живу в Ростове, – сказала она, – но моряков знакомых у меня не было. Я вся такая сухопутная.

– А кто вы по профессии?

На языке сидело и чавкало химфармформхрум, но сказала просто:

– Я химик. – Хотя была простой лаборанткой. Но лаборанты ведь тоже химики, а кто же еще? – Я люблю свою профессию, – сказала она. – Денег она приносит, конечно, чуть, но ведь нельзя же все мерить ими. Правда же? Должен быть интерес, увлечение...

Откуда-то из неведомых эмпиреев возникло чутье, что это плохая тема для разговора. Она нервно стала искать, что бы такое сказать поумнее, но голова ее была наполнена завтрашним утром и его тяжелой рукой у нее на груди.

– А морякам хорошо платят? – как-то небрежно-виновато спросила она.

– Разбежались! Но на курево и портки хватает.

Разговор явно выбивался из образа придуманной сильной руки. Так говорят рабочие на их предприятии. Но она их не любит. И крестьян не любит тоже. Она мыслит себя другой.

Выше денег. Хотя понимает, сейчас все ниже их – искусство, литература, семья, любовь... Что там еще есть в этом продаваемо-покупаемом насквозь мире?

На всякий случай она дернула поводок в сторону дома. Джемма повернуть отказывалась. Наверное, действительно рано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.